

Когда они вышли на открытую площадку, горизонт уже пылал огненными облаками. Трава на ипподроме отливала золотом, а кроваво-красный закат, казалось, поджигал море, расплываясь многослойными румяными пятнами.

Свистки на скачках, крики делающих ставки и гудки ночных кораблей в порту делали ветер на тропическом острове ещё жарче. Пальмы и флаги клуба хлопали на ветру.

Тань Юмин достал телефон и открыл чат, который по-прежнему оставался безответным. Потеряв терпение ходить вокруг да около, он отдал строгий приказ.

[Где ты?]

[Отвечай.]

Девушка проводила его до парковки. Немного помявшись, она мягко спросила:

— Господин Тань, в этот четверг у нас пройдут показательные выступления крупных клубов. Вы придёте?

Тань Юмин поднял голову и встретился с полным надежды взглядом. Он снял с руки куртку и беспечно бросил:

— Посмотрим по обстоятельствам.

«Бентли» выехал из Шаваня. Когда автомобиль проезжал по мосту через залив, телефон, молчавший весь день, наконец завибрировал.

В чате, где он вёл монолог, пришёл первый за день ответ: холодная геолокация с адресом — Парк корпорации Хуаньту.

Тань Юмин закатил глаза и отбросил телефон в сторону.

Когда Шэнь Цзуннянь вернулся в дом номер пятнадцать по улице Цзошидэн, Тань Юмин играл в приставку.

В гостиной царил полумрак. Был включён только торшер, который, словно светящаяся в темноте медуза, парил над его головой.

За панорамными окнами просторных апартаментов раскинулась ночь, похожая на упавший Млечный Путь, а вдаль виднелась гавань Виктория. Тань Юмин сидел на ковре, согнув одну длинную ногу. Пуговицы его шёлковой рубашки с широким воротником были расстегнуты до самой груди, и в темноте этот небольшой участок кожи мерцал, как белый нефрит.

Шэнь Цзуннянь слушал рабочий звонок и свободной рукой включил люстру.

Гостиная мгновенно озарилась светом. Тань Юмин, не отрывая взгляда от игры, нарочито преувеличенно воскликнул:

— Ого! Вы, наверное, ошиблись дверью? Разве вы теперь не живёте в Хуаньту?

Шэнь Цзуннянь проигнорировал его и прошел прямо через гостиную. За его спиной раздался ленивый голос:

— Шэнь Цзуннянь. Я ещё не ужинал.

Вернувшись в свою комнату, Шэнь Цзуннянь десять минут заканчивал телефонный разговор. Даже не переодевшись, он направился на кухню и открыл холодильник. Еда, приготовленная домработницей, осталась нетронутой.

Ни о чём не спрашивая Тань Юмина, Шэнь Цзуннянь сразу достал кастрюлю и поставил кипятиться воду. Он вынул из холодильника лапшу «чецзай», помыл зелень, нарезал мясо, подготовил основу для бульона. Его движения были ловкими и невероятно быстрыми.

Тань Юмин размял затекшую ногу и, держа в обеих руках планшет, поплёлся на кухню. Прислонившись к косяку, он начал новую партию.

За весь вечер он протестировал семь или восемь бета-версий игр, но ни одна из них не запала ему в душу.

Сейчас в Хайши наблюдался спад в реальном секторе экономики, традиционные отрасли приходили в упадок. Даже такой могущественный финансовый конгломерат, как Хуаньту, был вынужден обратить внимание на развивающиеся индустрии в поисках новых точек экономического роста.

Ещё полгода назад Тань Юмин вплотную занялся видеоиграми и интернет-бизнесом. Он намеревался модернизировать и реорганизовать онлайн-системы, чтобы через создание виртуальных сцен и блокчейн выстроить взаимосвязанное экономическое пространство и расширить рынок. Однако все модели, представленные на рынке, оставляли желать лучшего.

Телефон снова зазвонил. Тань Юмин улучил секунду и поднял взгляд: мужчина в чёрной рубашке прижимал телефон к уху и с непроницаемым лицом одной рукой разбивал яйца.

Во время рабочих звонков Шэнь Цзуннянь почти не говорил. Дождавшись, пока помощник закончит отчёт, он повесил трубку. Затем он отодвинул загораживающего проход Тань Юмина и холодно произнёс:

— Не стой на дороге.

Тань Юмин выпрямился и стал расхаживать по кухне, словно патрулируя свои владения:

— Почему ты сегодня не отвечал на сообщения?

Шэнь Цзуннянь открыл холодильник, убрал оставшиеся продукты и кратко ответил:

— Был на совещании.

Права на ведение игорного бизнеса в Хайши регулярно перераспределялись, и тендер был уже на носу. Совещания, инспекции, переговоры, пиар, утверждение планов... Тань Юмин не поужинал, а Шэнь Цзуннянь на самом деле не успел даже пообедать.

Раз он так сказал, Тань Юмин оставил эту тему.

— Тогда ты посмотрел ту конную амуницию и сёдла, которые я выбрал?

— Угу. — Рукава мешали Шэнь Цзунняню, поэтому он расстегнул запонки, бросил их на столешницу и закатал рукава, обнажив крепкие, сильные предплечья.

— И какие лучше? — Тань Юмин ходил за ним хвостиком.

Шэнь Цзуннянь не мог от него отделаться. Он отодвинул его от кухонного островка к холодильнику и кинул лапшу в кастрюлю, скупясь на слова:

— Одинаково.

Тань Юмин не стал больше тратить на него слова и просто засунул руку в карман его брюк, чтобы вытащить телефон.

Вода в кастрюле закипела, и клубы горячего пара обожгли ладонь Шэнь Цзунняня.

На заставке телефона стояло семейное фото семьи Тань. Тань Юмин сам его поставил. С тех пор, как Шэнь Цзуннянь появился в их доме, он менял обои каждый год, чтобы напоминать Шэнь Цзунняню, к чьей семье он на самом деле принадлежит.

Он открыл приложение умного дома, и аккаунт Тань Юмина автоматически авторизовался. Он решил ещё раз отфильтровать несколько вариантов.

Однако Тань Юмин вскоре обнаружил, что добавленные им сегодня варианты уже были удалены, а некоторые из них даже доставлены на ипподром Хэппи-Вэлли.

Шэнь Цзуннянь быстро сварил лапшу, поставил на обеденный стол, разложил пиалы и палочки и кивнул Тань Юмину:

— Ешь.

Тань Юмин сел по-турецки, не отрываясь от телефона. Он взял палочки и втянул лапшу. Пусть это блюдо было не таким изысканным, как у домработницы, но именно его он так жаждал.

Он небрежно сфотографировал миску, отправил снимок в семейный чат и почти сразу получил шквал ответов.

Господин Тань-старший: [Класс, класс, класс.jpg]

Тань Юмин: [Рукопожатие, салют, объятия.jpg]

Госпожа Тань Гао Шухун (бабушка): [Класс, класс, класс.jpg]

Тань Юмин: [Роза, воздушный поцелуй, кружение.jpg]

Тань Чжуншань: [Наверное, Цзуннянь приготовил. Класс, класс, класс.jpg]

Тань Юмин: [Довольная, озорная улыбка.jpg]

Гуань Кэчжи: [Ссылка: «На дебюте в Королевском скаковом клубе господина Таня сопровождала красотка. Его улыбка затмила всех! Эксклюзивные фото внутри!!»]

Тань Юмин: [?]

Психи. Ему было лень читать сплетни, выдуманные папарацци. Тань Юмин даже не стал открывать ссылку, отбросил телефон в сторону и принялся уплетать лапшу.

Он болтал без умолку. Пожаловался Шэнь Цзунняню на дурной характер Тоффи, а затем пересказал сплетни с сегодняшней тусовки. Шэнь Цзуннянь же придерживался правила «когда я ем, я глух и нем». Он не интересовался слухами, а к сомнительным друзьям Тань Юмина и вовсе относился с презрением.

Но Тань Юмину было всё равно. Он продолжал трещать о своём и под шумок попытался переложить зелень из своей миски в миску Шэнь Цзунняня.

Раз, другой — Шэнь Цзуннянь промолчал. На третий раз Шэнь Цзуннянь поднял веки и равнодушно посмотрел на него. Рука, застывшая в воздухе, дрогнула.

Тань Юмин с досадой убрал палочки и начал нехотя жевать лапшу. Шэнь Цзуннянь нахмурился, взял его миску, переложил к себе половину зелени и отдал последний приказ:

— С остальным разбирайся сам.

— Ой, да ладно.

Шэнь Цзуннянь быстро поел и сказал:

— Поешь — оставь посуду.

По всей гостиной были разбросаны игровые джойстики Тань Юмина: один на журнальном столике, другой на ковре. Некоторые провода уже спутались в клубок. Шэнь Цзуннянь подошёл и принялся убирать их один за другим.

Там же, на диване, лежали куртка, галстук и ноутбук. В блокноте были заметки, выписанные Тань Юмином. Видимо, под конец ему надоело искать информацию, потому что почерк становился всё более неразборчивым, а на полях появились рисунки скалящихся тигров и черепах.

«...» — Шэнь Цзуннянь нахмурился, собрал всё это и аккуратно рассортировал по местам.

В семейном чате Гуань Кэчжи снова прислала несколько тайных фотографий Тань Юмина и спросила:

[Нянь-цзай уже поел? Чем занимается?]

Тань Юмин окинул взглядом гостиную и, ничуть не смутившись, ответил:

[Уже поел. Тренирует тело.]

К сообщению он прикрепил ехидный смайлик.jpg.

Шэнь Цзуннянь, который «тренировал тело», передвинул торшер-медузу обратно к денежному дереву «Лиши». Это дерево привезли несколько месяцев назад.

В то время их общий друг Чэнь Вань пригласил их в клуб на Хэливуд-роуд поиграть в боулинг. После того как Чэнь Вань выбил страйк в форме рождественской елки для наследного принца, Тань Юмин спросил Шэнь Цзунняня, умеет ли тот играть. Шэнь Цзуннянь, отвечая на рабочее письмо, холодно отрезал:

— Нет.

Чжао Шэнгэ тогда с сожалением и извинением улыбнулся. Тань Юмин был возмущён и всячески приставал к нему с расспросами. Шэнь Цзуннянь, не выдержав его назойливости, в итоге привёз ему денежное дерево.

В детстве у семьи Тань была новогодняя традиция: вешать красные конверты «хунбао» на мандариновое или денежное дерево, которое ставили у входа или в гостиной, чтобы привлечь богатство.

Денежное дерево было высотой в полчеловека. Так как сезон для маленьких мандаринов ещё не наступил, Шэнь Цзуннянь приказал вырезать несколько плодов из чистого золота и повесить их на ветки. Они выглядели как настоящие, не отличишь от живых.

Конверты «хунбао» были сделаны из чистого золота высшей пробы — просто и со вкусом. Это прекрасно сочеталось с любовью Тань Юмина к роскошному и экстравагантному интерьеру, словно два сапога пара.

Меньше чем через неделю после того, как дерево привезли, переговоры с материковыми партнёрами, которые Тань Юмин вёл уже полмесяца, внезапно увенчались успехом. С тех пор он не мог нарадоваться на это дерево и часто выкладывал его фотографии в групповой чат

друзей. Эти снимки вызывали искреннее восхищение и зависть у его друзей, Чжо Чжисюаня и Цзян Ина.

Тань Юмин был весьма доволен таким эффектом. Он даже поставил фото денежного дерева на аватарку в своих личных соцсетях и заявил, что если у кого-то стопорятся проекты, то милости просим в дом номер пятнадцать по улице Цзошидэн — помолиться на удачу. При этом он отдельно отметил Чжао Шэнгэ, у которого скоро должно было начаться строительство порта.

Чжао Шэнгэ ничего не ответил. Лишь после того, как его упомянули ещё несколько раз, он просто покинул чат.

Тань Юмин был крайне озадачен и спросил Шэнь Цзунняня:

— Да что опять с ним не так?

Шэнь Цзуннянь молча забрал у него свой телефон, чтобы тот не донимал других участников чата без причины.

Благодаря заботливому уходу Тань Юмина денежное дерево отлично росло. В солнечные дни Тань Юмин выносил его на открытый балкон погреться, а в сезон тайфунов заносил обратно.

Шэнь Цзуннянь подмёл опавшие листья вокруг дерева и полил его. Вскоре гостиная обрела свой первоначальный вид, в ней воцарились чистота и порядок.

— Эй, не выключай компьютер! — Тань Юмин отдавал команды издали, из столовой. — Пройди за меня эти последние уровни.

У Шэнь Цзунняня была куча неразобранной работы, но он всё равно сел на диван, положил компьютер на колени и, потирая переносицу, кликнул на вкладку с правилами, чтобы быстро во всём разобраться. Читая по диагонали, он заскользил пальцами по клавиатуре с невероятной скоростью.

В этот момент снова поступил рабочий звонок. Шэнь Цзуннянь отвечал по телефону одной рукой, а другой играл. Лицо его оставалось суровым, однако он один за другим с лёгкостью проходил игровые подземелья.

Когда Тань Юмин допил последние капли бульона, Шэнь Цзуннянь отложил компьютер и подошёл убирать со стола:

— Сохранения в твоей папке.

Рука Тань Юмина замерла. Он поднял голову и заморгал:

— Так быстро?

— Угу.

Доев лапшу, Тань Юмин ждал-ждал, но десерта так и не последовало. Он открыл холодильник, но то место, где обычно стояли десерт из манго и помело, а также сладкая паста из красных бобов, было абсолютно пустым. Он проследовал за Шэнь Цзуннянем на кухню и, увидев, что тот уже начал мыть посуду, совершенно непринуждённо спросил:

— А выпить сегодня ничего не будет?

Шэнь Цзуннянь как раз загружал посуду в посудомоечную машину. Услышав это, он обернулся и с недоумением посмотрел на него. В его взгляде Тань Юмин отчётливо прочитал: «Ты что, свинья?»

Тань Юмин снова закатил глаза и с серьёзным видом пояснил:

— От дневного вина першит в горле. Пять бокалов коньяка «Реми Мартин», мне же нужно чем-то промочить горло.

Шэнь Цзуннянь опустил свои угольно-чёрные глаза, впиваясь в него взглядом, и холодно бросил:

— Так тебе и надо.

У него были высокие надбровные дуги и резкие, суровые черты лица. Когда на нём не отражалось никаких эмоций, он казался пугающим. Тань Юмин застрял между Шэнь Цзуннянем и кухонным гарнитуром, всем своим видом показывая: пан или пропал.

— Просто скажи, будет или нет.

Шэнь Цзуннянь молча смотрел на него. И когда Тань Юмин был уже готов сдаться, тот поднял руку, отодвинул его в сторону и достал чай «Чжэншань Сяочжун», чтобы заварить.

Затем он извлёк из холодильника несколько таитянских лаймов и начал их резать.

Тонкокожие зелёные лаймы без косточек источали прохладный, свежий аромат. Когда Шэнь Цзуннянь с силой сжал их в соковыжималке, они, словно в приступе ярости, брызнули кислым, терпким соком, чей резкий запах мгновенно ударил в нос.

В доме был полный набор для приготовления напитков: шейкеры, мерные стаканчики, электронные весы и мадлер. Тань Юмин не пил кофе и не любил алкоголь. В детстве он обожал лимонный чай, но семья строго следила за тем, чтобы он не ел и не пил что попало на улице. Шэнь Цзуннянь, устав от его бесконечных капризов, был вынужден научиться готовить его сам.

Во время учёбы этот чай помогал ему проснуться, а когда он начал работать — избавиться от похмелья. Этот самый лимонный чай Тань Юмин пил уже больше десяти лет.

Мерные стаканчики и электронные весы даже не понадобились: рецепт и пропорции Шэнь Цзуннянь знал как свои пять пальцев. У него были длинные пальцы, и действовал он быстро. Тань Юмин только и успел, что моргнуть, но, сделав первый же глоток, тут же скривился:

— Твою мать, почему он такой кислый?!

Если бы он не был кислым, ты бы не усвоил урок. Шэнь Цзуннянь прислонился к кухонному столу и, равнодушно наблюдая за его перекошенным лицом, спокойно произнёс:

— О, наверное, я забыл добавить мёд.

Тань Юмин вытаращил глаза.

Шэнь Цзуннянь неторопливо мыл шейкер. Его слова были в три раза язвительнее кислого зелёного лайма:

— Пять бокалов «Реми Мартин» для тебя пустяк. Значит, парочка таитянских лаймов тоже не должна стать проблемой.

Тань Юмин чуть не задохнулся от возмущения. Потянувшись за мёдом, он выругался:

— Шэнь Цзуннянь, да чем я опять тебе не угодил?!

(Примечание автора: Ссорьтесь, ссорьтесь (шутка). Лиши — означает красный конверт с деньгами.)

<http://bllate.org/book/17117/1599326>